

Научная статья

УДК 171

doi: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-47-51

ОБ ИМПЕРАТИВНОСТИ ЭТИКИ. НАЗАД К ЭТИКЕ КАНТА!

Светлана Васильевна Димитрова

Волгоградский государственный университет, кафедра философии и теории права, Волгоград, Россия, sve-dimitrova@yandex.ru, 0000-0003-4962-0692

Аннотация. Обосновывается актуальность и экзистенциальная значимость императивной этики Канта. Показано, что в современном мире разрыв между высокотехнологичными действиями и индивидуалистскими этическими нормами выступает основанием не только для потери человеком бытийной идентичности, но и угрожает существованию людей и цивилизаций. Познавательная способность, детерминированная естественными склонностями людей, находится в непрерывном и ускоряющемся развитии. Ориентированность на получение желаемого результата способствует возрастанию роли прагматичных, целерациональных действий, при которых человек утрачивает способность самостоятельно формулировать цели. Следование индивидуалистской этике сформировало ситуации, при которых стало возможным продуцирование человека с «заданным набором потребностей». Увеличивающаяся степень отчуждения индивида от уникальности собственного бытия приводит к выводу о том, что человек становится «целью для себя», если способен подчиниться нравственному закону, следуя долгу, а не чувствам. Сущностным свойством кантовской морали, обеспечивающим ей автономию, является трансцендентализм, наличие априорных форм практического разума, которые выступают условием для появления «максим» поведения. Особенность морали Канта выражает термин, предложенный М. К. Мамардашвили, — тавтологичность. Действие «сообразно долгу», тавтологично, оно не стремится к достижению чего-то, кроме исполнения долга. Именно тавтологичность морали позволяет видеть в человеке конечную цель. Возможность подчинить «естественные склонности» и познавательные способности этическим нормам позволяет обрести автономию личностного бытия. Обобщающим выводом является тезис о том, что категоричность позиции Канта всегда подвергалась критике представителями разных философских течений. Между тем логика развития цивилизаций, характер и скорость распространения угроз выступают основанием для актуализации идей Канта.

Ключевые слова: императивность этики; долг; трансцендентальность; «тавтологичность морали»; инструменталистские действия; отчуждение

Для цитирования: Димитрова С. В. Об императивности этики. Назад к этике Канта! // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491). С. 47–51. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-47-51.

Original article

ON THE IMPERATIVENESS OF ETHICS. BACK TO KANT'S ETHICS!

Svetlana V. Dimitrova

Volgograd State University, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd, Russia, sve-dimitrova@yandex.ru, 0000-0003-4962-0692

Abstract. The relevance and existential significance of Kant's imperative ethics are substantiated. It is shown that in the modern world, the gap between high-tech actions and individualistic ethical norms is the basis not only for the loss of a person's existential identity, but also threatens the existence of people and civilizations. Cognitive ability, determined by the natural inclinations of people, is in continuous and accelerating development. The focus on obtaining the desired result contributes to the increasing role of pragmatic, purposeful actions, in which a person loses the ability to formulate goals independently. Following an individualistic ethic has created situations in which it has become possible to produce a person with a "given set of needs." The increasing degree of alienation of the

individual from the uniqueness of his own being leads to the conclusion that a person becomes a “goal for himself” if he is able to obey the moral law, following duty, and not feelings. The essential property of Kantian morality, which ensures its autonomy, is transcendentalism, the presence of a priori forms of practical reason, which act as a condition for the appearance of “maxims” of behavior. The peculiarity of Kant’s morality is expressed by the term proposed by M.K. Mamardashvili — tautology. The action is “in accordance with duty”, tautological, it does not seek to achieve anything other than the fulfillment of duty. It is the tautology of morality that allows us to see the ultimate goal in a person. The ability to subordinate “natural inclinations” and cognitive abilities to ethical norms allows you to gain autonomy of personal existence. The generalizing conclusion is the thesis that the categoricity of Kant’s position has always been criticized by representatives of different philosophical movements. Meanwhile, the logic of the development of civilizations, the nature and speed of the spread of threats are the basis for the actualization of Kant’s ideas.

Keywords: imperative ethics; duty; transcendence; “tautology of morality”; instrumentalist actions; alienation

For citation: Dimitrova SV. On the imperativeness of ethics. Back to Kant’s ethics! *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(9(491):47-51. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-47-51.

Постановка проблемы. Актуальность учения И. Канта в условиях современного, высокотехнологичного мира заключается в том, что несоответствие между стремительным развитием познавательных способностей и следованием этическим принципам может привести к разрушению, уничтожению цивилизаций. Немецкий мыслитель еще в XVIII в. предвидел деструктивные последствия развития знаний, не ограниченных моральными нормами. Современный уровень высокотехнологических действий, расширяющих масштабы воздействия и степень влияния на жизни отдельных людей и всего общества, приводит к необходимости установления императивности этических норм, делая актуальным призыв: «назад к Канту!».

От манипулирования сознанием к производству потребностей. После крушения метафизических философских систем, к числу которых относится и учение Канта, в теории познания стала утверждаться «власть факта». Позитивизм, оставляющей за философией функцию систематизации полученных данных, сформировал условия для утверждения единственной верифицируемой истины. Между тем утверждение о том, что жизнь человека управляется объективными законами, познание которых позволяет достичь свободы, справедливости, выступает условием для деструктивных форм поведения.

С одной стороны, появляются тотальные формы идеологий, в которых утверждается, что владение наиболее достоверными фактами позволяет бороться с другими мнениями, не позволяя искажать истинность знания. С другой, признание существования объективных законов, управляющих социальным развитием и жизнью человека, ведет к необходимости приспособления к данным условиям. Позитивистское господство факта,

ориентированность на признание объективных законов, претендующих на возможность научного управления жизнью людей, редуцирование этики к возможности целесообразного поведения, порождает тотальные идеологии и сводит творческую активность людей к приспособленческой деятельности.

Важно отметить, что формирование инструменталистского отношения к миру, которое подвергли критике представители Франкфуртской школы, стало одним из проявлений познания, не ограниченного моральными нормами. Накопление и применение объективных знаний о природе и человеке не оправдало надежды людей на установление справедливости и достижения свободы. Сформировался тип угнетения, который связан «...не с естественной и технической незрелостью, а с позицией силы» [5, с. 256].

Непрерывность интеллектуального развития обусловлено тем, что оно основано на природных потребностях, а стремление быть эффективным, востребованным, по сути, продиктовано инстинктом самосохранения. Ориентированность на получение желаемого результата способствует возрастанию роли прагматичных, целерациональных действий.

Однако бесконечное совершенствование прагматичных действий формирует ситуации, при которых эффективные действия направлены не на достижение целей человека, а на формирование потребностей, товары для удовлетворения которых уже созданы. Таким образом, исключительная ориентированность на приносящие пользу формы активности, приводит к тому, что не только цели, но и потребности навязываются индивиду.

Эффективность деятельной активности современных людей проявляется как в преобразовании

окружающей действительности, так и в конструировании новых типов реальности. Поэтому значимым становится то, что продуцирование / конструирование новых типов реальности должно быть фундировано этическими нормами. Этика не может быть совокупностью конвенциональных положений, регулирующих / оправдывающих уже возникший тип реальности, она должна отдавать «приказы» разуму. Современный мир — это совокупность этических дилемм, решение которых становится возможным только при условии, «первичности», императивности нравственных норм.

Автономность морали. Человек, согласно учению Канта, «не следует порядку вещей», а «противопоставляет ему собственный порядок» — это идеи, требования разума. Императивность этики в современном мире проявляется в чувстве долга и в расширении понимания ответственности. Открытость и изменчивость мира сопровождается сложными формами взаимодействия, при которых даже активность отдельной личности может привести к масштабным последствиям. Быть ответственным не только за своё существование, но и за окружающую действительность — это не вопрос выбора, а экзистенциальная необходимость.

Согласно учению И. Канта, мораль основывается на возможности подчинить разуму «человеческую природу» и «естественные склонности». Парадоксально и категорично звучит мысль о том, что индивид становится человеком только тогда, когда оказывается способным отказаться от себялюбивых желаний, потребностей. Мораль Канта — это то, что «...можно достичь, лишь отказываясь от человеческой природы... Однако предрассудок никогда не исчезнет, человеческая природа останется...» [4].

Парадоксально, но именно последовательное воплощение идеалов гедонистической морали, ориентированности на индивидуалистическую этику создали возможность продуцирования индивида с «заданными потребностями» и определенными параметрами тела. Формирование ситуаций, при которых от манипулирования сознанием человека становится возможным переход к конструированию индивида, указывает на экзистенциальную значимость императивной этики.

Тем самым дуализм естественного и разумного извечен, а перманентная борьба долга и чувств указывает на то, что бытийность человека не проявляется в сущем, данном природой, социально обусловленным, а обретается в должном. А зна-

менитый постулат И. Канта о человеке, который всегда должен быть «целью для себя», указывает на то, что «способность быть человеком» предполагает каждодневные усилия. Условием существования человека выступает способность сохранять автономию личностного мира, исключая подчинения миру природному, строго детерминированному.

Уровень современного технологического развития, позволяющий достичь значимых результатов в преобразовании мира, сформировал условия для понимания о том, что автономность человеческого бытия, сохранение его уникальности становятся возможными при условии подчинения нравственным нормам прагматичных действий. Характеризуя кантианское учение об автономном существовании этики, М. К. Мамардашвили отмечает: «...и когда Кант говорит о том, что мы должны «снять» знание, он имеет в виду, что в мире причинных связей есть, и им не противоречит, автономная сфера нравственности» [4]. Нравственность не зависит от знаний, она «тавтологична» — это следование долгу из чувства долга.

Интеллектуальное / рассудочное познание направлено на выявление закономерных, каузальных связей, на систематизацию, классификацию полученных фактов. Однако без руководства разума рассудок приходит к неразрешимым противоречиям — антиномиям. Воплощением познавательной активности, не ограниченной нравственными нормами, стали инструменталистские действия, при которых «...современный человек готов пойти на любой риск, чтобы достичь какой-либо цели, но он чрезвычайно боится риска и ответственности поставить себе эту цель» [6, с. 71].

Мир сущего, являющийся совокупностью результатов прагматических действий, не способен выйти в «царство целей», поскольку полностью подчинен логике средств. Цели не могут возникать под влиянием внешней силы, к которой, согласно учению Канта, относятся как чувственные, так и рациональные представления. Для автономного существования целей представление, задающее волю, «...должно стать представлением чистой формы... значит, способность желания становится высшей способностью, а соответствующий ей практический синтез является априорным, когда воля задается уже не удовольствием, но простой формой закона. Тогда способность желания уже находит собственное законодательство не вне себя — в материи или в каком-нибудь объекте, — а в самой себе: она, как говорится, автономна» [1, с.151].

«Тавтологичность» морали. Условием формирования целей, отражающих не сущее, а должное выступает трансцендентальный субъект. Следовательно, этические нормы представляют собой априорные формы, трансценденции, благодаря которым возникает автономность и «тавтологичность» этики. К примеру, долг, как априорная форма «осуществляет направленность на общий закон, заключающий в границы все случайные и особые движения» [3, с. 222].

Действие «сообразно долгу» тавтологично, оно не стремится к достижению чего-то, кроме исполнения долга «Поступок из чувства долга имеет свою моральную ценность не в той цели, которая может быть посредством него достигнута, а в максиме, согласно которой решено было его совершить, эта ценность зависит, следовательно, не от действительности предмета поступка, а только от принципа волеия, согласно которому поступок был совершен безотносительно ко всем объектам способности желания» [2, с. 234].

Априорность моральных принципов, определяющих волю, выступает основанием для согласия, «...которое относится как к отношению разных индивидов, так и к внутренней последовательности многообразных актов воли и поступков одного и того же субъекта, поскольку она при всем изменении особых мотивов и побуждений проявляет ту замкнутость, которую мы определяем наименованием «характер»» [3, с. 222].

Условием единства и иерархии целей человека выступает всеобщий нравственный закон. Согласно учению Ж. Делёза в теории И. Канта можно выделить три типа целей: естественные, последние и конечные. «Естественная цель — основание возможности, последняя цель — повод для существования; конечная цель — существо, в себе обладающее поводом для существования» [1, с. 220]. Только человек, способный подчинить свою природу морали, содержит в себе самом «повод для существования». Таким образом, «подчиненность» морали выступает условием свободы человека.

Только следование долгу, требование быть моральным позволяет возвыситься человеку над всеми видами детерминированности. «Воля, в сущности, преступает фактическую действительность, она не связывает себя с данным, она обращена к нравственной задаче, которая уводит и приподнимает ее над данным» — пишет Э. Кассирер [3, с. 228].

Цели формируются в сфере должного, а именно, в этике. Мир сущего, являющийся совокуп-

ностью результатов прагматических действий, не способен выйти в «царство целей», поскольку полностью подчинен логике средств.

Вместе с тем достижение автономности, следование идеалам индивидуальной свободы приводит к ситуациям, при которых человек, выбирает / меняет собственную идентичность. Он (человек) превращается в «подвижный модуль», проживающий никак не связанные «эпизоды» собственной жизни. Абсолютизация идеалов индивидуализма, сосредоточенность на себе самом, собственных желаниях, страстях, стремлениях лишает человека возможности быть «целью для самого себя». Индивидуалистическая этика исключает такие понятия как долг и ответственность, а вместе с этими понятиями теряется и способность человека бытийствовать.

В то же время беспрецедентно высокая степень «пластичности», изменчивости становится основанием для возникновения проблем, связанных не только с обретением свободы, но и с сохранением существования. Поскольку именно действия человека, побуждаемые не желаниями и собственными стремлениями, а чувством долга, позволяют преодолевать риски, связанные как с утратой свободы и независимости, так и несущие угрозу существованию людей, цивилизаций.

Следование долгу — это возможность быть собой, реализуемая в процессе преодоления, а не приспособления к существующим условиям. Свобода — это возможность выйти за рамки наличного бытия, открывая новые возможности и перспективы развития. Нравственный закон всеобщ и необходим, то есть «...он имеет свое значение и ценность в себе самом и должен определять волю независимо от других мотивов эмпирической природы человека и от тех последствий, которые могут произойти из сообразного с ним поведения» [5].

Категоричность формулировок и требований немецкого философа всегда вызывала критику и несогласие. Например, Ж. Делез, комментируя учение Канта о практическом разуме, формулирует положение: «благо есть то, что говорит закон». Необходимость существования закона основывается на его строгом соблюдении.

Однако «гибкость» и «текучесть» этических норм, в современных условиях становятся основанием для возникновения такого рода зависимостей, при которых человек утрачивает собственное бытие, становясь результатом эффективных действий. Люди, при большом количестве предложенных вариантов выбора, не имеют оснований для его совершения. Многочислен-

ные практики «заботы о себе» выступают условием для продуцирования «необходимого» тела индивида. Отсутствие «законодательства этики» не позволяет человеку даже фиксировать степень собственной закрепленности. Следовательно,

уровень развития современных технологий, позволяющих формировать новые типы реальности, и, как следствие, формирование этических дилемм делает экзистенциально значимой императивность этики.

Список литературы:

1. Делез Ж. Эмпиризм и субъективизм. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза / Ж. Делез. М.: ПЕРСЭ, 2001. 480 с.
2. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. // Критика практического разума. М.: Мысль, 1965. С. 121–258.
3. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии: переводы. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
4. Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com — URL: https://royallib.com/read/mamardashvili_merab/kantianskie_variatsii.html?ysclid=lrkf0cc3x341897813#0 (дата обращения 16.01.2024).
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. М.: АСТ, 2003. 526 с.
6. Попов И. В. Критика учения Канта об основах нравственности [Электронный ресурс] // Православный портал «Азбука Веры» — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Popov/kritika-uchenija-kanta-ob-osnovah-nravstvennosti/ (дата обращения 25. 12. 2023).
7. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1995. 256 с.

References

1. Delez Zh. E`mpirizm i sub`ektivizm. Kriticheskaya filosofiya Kanta. Bergsonizm. Spinoza / Zh. Delez. M.: PERSE, 2001. 480 s. (In Russ.).
2. Kant I. Sochineniya. V 6 t. T. 4. Ch. 1. // Kritika prakticheskogo razuma. M.: My`sl', 1965. S. 121–258.
3. Kassirer E`. Opy`t o cheloveke: vvedenie v filosofiyu chelovecheskoj kul`tury` // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: perevody`. M.: Progress, 1988. 552 s. (In Russ.).
4. Mamardashvili M.K. Kantianskie variacii. [E`lektronny`j resurs] // E`lektronnaya biblioteka Royal-Lib.com — URL: https://royallib.com/read/mamardashvili_merab/kantianskie_variatsii.html?ysclid=lrkf0cc3x341897813#0 (data obrashheniya 16.01.2024). (In Russ.).
5. Markuze G. E`ros i civilizaciya. Odnomerny`j chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial`nogo obshhestva / G. Markuze. M.: AST, 2003. 526 s. (In Russ.).
6. Popov I.V. Kritika ucheniya Kanta ob osnovah npravstvennosti [E`lektronny`j resurs] // Pravoslavny`j portal «Azбука Very» — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Popov/kritika-uchenija-kanta-ob-osnovah-nravstvennosti/ (data obrashheniya 25. 12. 2023). (In Russ.).
7. Fromm E`. Begstvo ot svobody` M.: Progress, 1995. 256 s. (In Russ.).

Информация об авторе

С. В. Димитрова — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теории права, почетный работник ВПО РФ.

Information about the author

S. V. Dimitrova — Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law, Honorary worker of the VPO of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 13.10.2024; принята к публикации 20.10.2024.

The article was submitted 17.09.2024; approved after reviewing 13.10.2024; accepted for publication 20.10.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.